

в основном университетский преподавательский состав), поднял нас со стульев и сказал: «Вчера в Париже умер Иван Алексеевич Бунин. Почтим кончину великого русского писателя минутой молчания!» — это запомнилось бы навсегда. Но никто ничего не сказал. Никто не поставил в пример нам, первокурсникам писательского вуза, жизнь, безраздельно отданную родной литературе.

Об уходе последнего по времени бесспорного классика мы узнали далеко не сразу. А ведь на нашем курсе, где всего-то было тридцать человек, учился Юрий Казаков. Ему выпала особая честь: вскоре его назвали первым среди молодых писателем бунинского направления. И, когда, спустя немалое время, он приехал во Францию на побывку, восьмидесятишестилетний Борис Зайцев встретил его с распростертыми объятиями — как художественного наследника Ивана Бунина.

Нам довелось быть свидетелями воскрешения Бунина из мертвых! Я присутствовала на первом вечере его памяти в Литературном музее! Но об этом — позже... В середине пятидесятых, после перерыва чуть ли не в сорок лет, в Москве выходят избранные рассказы писателя-эмигранта! То ли я повзрослела за полтора-два года, то ли после допинга еженедельных творческих семинаров прорезался мой собственный, а не заемный художественный вкус, но тут уж он не отпустил меня от себя. Я без натуги выучила наизусть «Легкое дыхание» и с выражением, может быть, чрезмерным, прочла рассказ на институтском вечере. Потом опробовала на школьных подругах. Потом пустила, как лонгфелловскую стрелу, в пеструю публику подмосковного дома отдыха.

И порой, опять же по Лонгфелло, стрела попадала в цель...

На скучных лекциях мы с Юрием Казаковым перекидывались записками. Некоторые у меня сохранились. Например, эта: «Бунин — божество, недоступное совершенно и с непонятной гениальностью»...

Вскоре Юру осторожно начали печатать. Выбором природы (Север, глухие места срединной России), ломаными мужскими и сложными женскими характерами, одухотворением природы и всякой живой твари, любовным вниманием к прелестным жизненным мелочам, элегической тональностью его рассказы выламывались из привычной прозы пятидесятых. Казакова тут же зачислили в бунинские эпигоны. Как будто талантливо продолжать предшественника — значит рабски копировать его. Время все расставило по местам. Юрий Казаков — единственный русский писатель, награжденный золотой медалью Данте. Две недавно учрежденные литературные премии имени Юрия Казакова говорят сами за себя. Надеюсь, учитель не открестился бы от такого преемника...

Давно уже Бунин-прозаик удостоен больше чем признания. Бунин-поэт почему-то оказался в тени, хотя на рубеже веков его поэтическое имя звучало куда как громко. Трижды его оригинальные и переводные стихи были отмечены наградой Российской Академии Наук — премией имени Пушкина. «Конечно, как поэта венчает И. А. Бунина академия», — писал один из критиков. Но можно, наверно, понять и тех, кто считал автора безукоризненных стихов слишком классичным, консервативным, старомодным. Серебряный век русской поэзии предпочитал «алмазы в каменных пещерах» и чурался настоящего, но потускневшего фамильного серебра...